РУССКАЯ ИСТОРИЯ В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ
ПОД РЕД. В. И. НЕВСКОГО

V.

И. И. ПОЛОСИН

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVII в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОМЕТЕЙ" МОСКВА

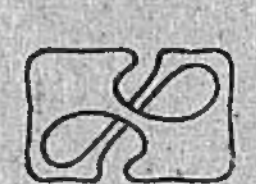
РУССКАЯ ИСТОРИЯ В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ В. И. НЕВСКОГО

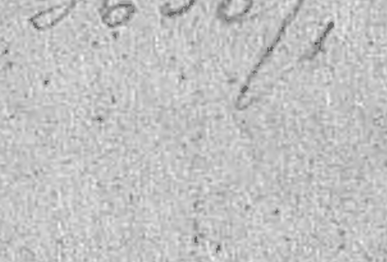
ВЫПУСК V

И. И. ПОЛОСИН

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

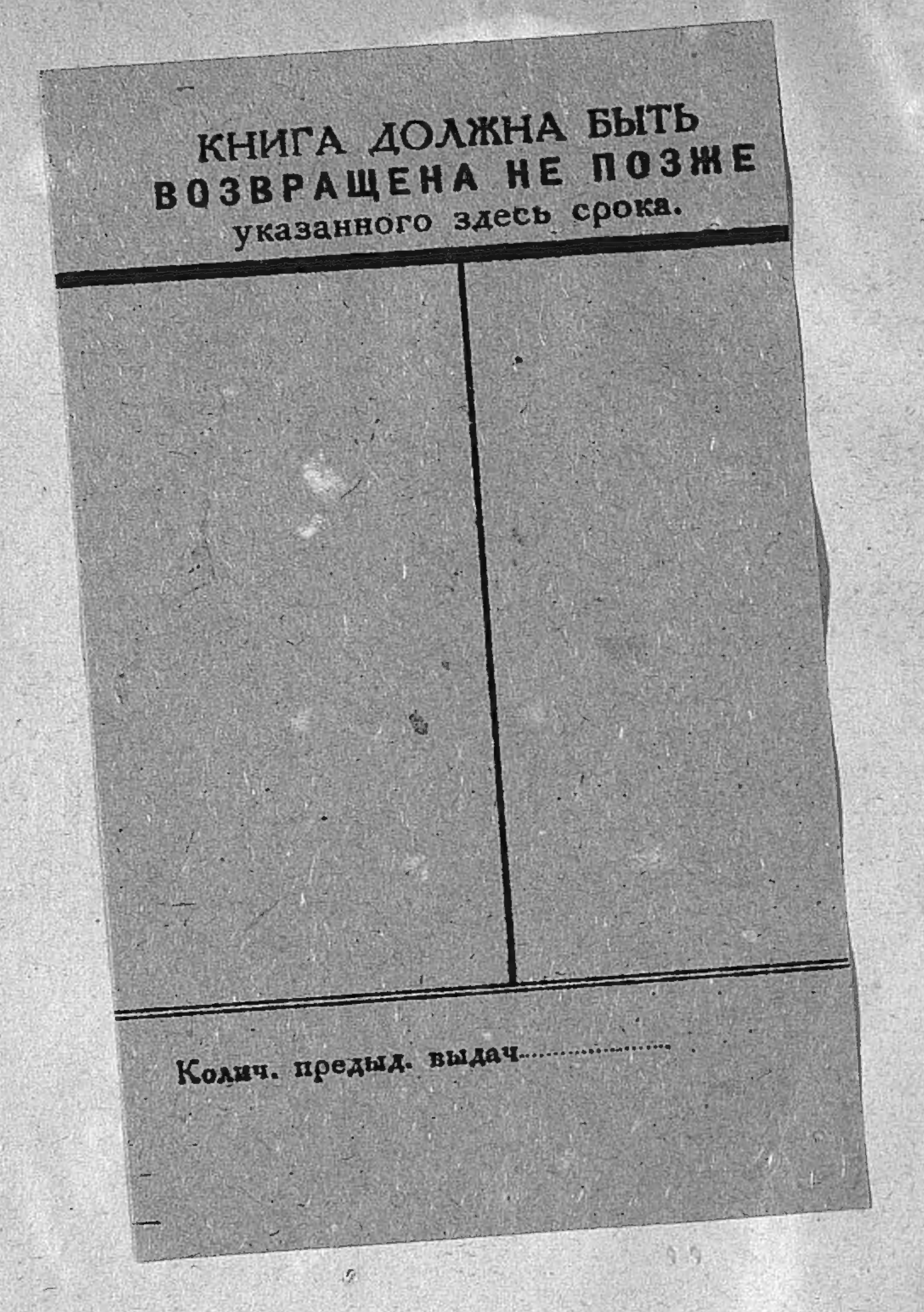
(XVII в.)

Издательство „ПРОМЕТЕЙ“
Москва — 1926

Главлит № 53491. Зак. 962. Тираж. 5000.

31-я тип „Красный Печатник". аренд. „ПРОМЕТЕЙ".

I. КРЕПОСТНОЕ ПРАВО.

1. Нужно ли изучать и знать крестьянские движения давно минувших столетий?

Знать их необходимо. Необходимо для того, чтобы верно понять и оценить то, что происходит в наши дни; то, что произошло в России за последние восемь лет. В революции наших дней (1917—1926 г.г.) русский крестьянин и его родные братья, рабочий и солдат, сыграли первую роль. Мы не поймем их участия в революции, если не учтем их жизни в прошлом. Если не отметим, что *лишь 65 лет тому назад* умерло крепостное право, что живы еще те, кто на себе испытал все его огромное воздействие.

2. Но что такое крепостное право?

Крепостное право это — право землевладельца-дворянина: во-первых, на распоряжение как *земельными угодьями* деревни (пашней, лугом, пустошами, лесом и водой), так и *недрами земли;* во-вторых, на *труд, имущество, личность и потомство* земледельца-крестьянина; в-третьих, на *суд* по крестьянским делам и на общее и хозяйственное *управление* крестьянами. По крепостному праву землевладелец-дворянин держал в своих руках широкую полицейскую, судебную и хозяйственную власть в пределах своего имения.

3. Какие же обязанности лежали на землевладельце-дворянине в отношении государства и крестьян?

В отношении государства помещик был обязан: 1) до манифеста о вольности дворянской 1762 г. нести личную военную, приказную или придворную службу; 2) по распоряжению военного начальства (Разряда, Воинской Коллегии и

Военного Министерства) собирать со своих деревень и поставлять в города крестьян-рекрутов («даточных людей», как их называли в XVII в.); 3) по распоряжению органов финансового управления собирать с крестьян казенные подати и налоги и передавать их в государственную казну; 4) по распоряжению органов внутреннего управления — организовать продовольствие своих крестьян в случае недорода или голода; крестьян — нетрудоспособных (инвалидов или стариков) брать на свое иждивение или, вернее, на иждивение своих молодых и здоровых крестьян-работников. Дело социального обеспечения и продовольствия крепостных крестьян было возложено на владельцев последних. Это было их обязанностью как по отношению к государству, так и по отношению к крестьянам. Кроме того, помещик-землевладелец обязывался охранять своих крестьян на суде и в повседневной их жизни и всячески способствовать расцвету крестьянского благополучия.

Таким образом, по крепостному праву помещик был не только владельцем своих крепостных, но и чиновником одновременно нескольких ведомств.

В пределах имения он и его администрация (приказчик) выполняли обязанности по Комиссариатам Военному и Финансов, Юстиции и Внутренних Дел, Продовольствия и Социального Обеспечения.

Контора управителя имением представляла собою любопытный сколок обще-государственных учреждений. Управитель напоминал собою Министра Двора, а сам помещик — «высочайшую особу императора». Неудивительно, что в имениях наиболее крупных от имени их владельцев издавались указы, об'являлись подданным манифесты—все так же, как это делалось в Санкт-Петербурге для всей империи Российской от имени самодержца. И действительно в своем имении *помещик был маленьким царьком.*

4. Чем же он отличался от царя-государя?

Об'емом и качеством власти.

В отличие от императорской, власть помещичья действовала на сравнительно ограниченной территории. Она была

ограничена и по существу: 1) суд по наиболее крупным делам принадлежал исключительно императорской власти и ее представителям на местах; 2) военное и финансовое управление (с монетной регалией); 3) права войны и дипломатических переговоров помещики не имели. В их руках была лишь малая доля политической власти. Но она все же была в их руках и оставалась в течение столетий.

5. Такой политический строй, при котором политическая власть делится между властью центральной (императора, царя, короля, народного собрания и т. д.) и властью крупных и мелких землевладельцев на местах — как он называется? и существовал ли он только в России?

Изображенный выше политический строй, называется феодализмом. «Рассеянность политической власти» и слияние власти политической (различного об'ема) с властью землевладельца, об'единение в одном лице вотчинника и государя — таковы *характернейшие черты феодального режима.*

Феодализм существовал не только в России. В разное время и в разных видах его переживали все страны мира, ибо он представляет собой определенную ступень социально-политического развития, неизбежную для всех народов, которые не замирают на ступенях низших, до феодальных.

6. Когда устанавливается феодальный порядок в России?

Уже с первых же дней исторического существования русского государства (около 1.000 лет тому назад) можно подметить некоторые элементы феодального строя.

Одновременно с феодализмом английским, германским и французским развертывался и русский феодализм. К концу XI-XII в.в. он сделал уже значительные успехи. Начиная с XIII века русский феодальный режим («удельный порядок») испытывает значительные потрясения в связи с уничтожением политической самостоятельности России. Около 650 лет тому назад Россия лет на 200 вперед (до конца XV века) превращается в улус татарского государства — Золотой Орды. Под рукой золотоордынского хана (XIII—XV в.в.) феодальный порядок на Руси определился окончательно.

7. Когда же он распался?

Господство золотоордынского хана над Русью подготовило торжество сильной монархической власти Московского самодержавного царя. Именно золотоордынский хан и был прямым политическим предшественником последнего. «Великий князь Московский и всей Руси» (Иван III, 1440—1505 г.г.) и первый «царь государь и великий князь Московский и всея Руси» (Иван IV 1530—1584 г.г.) скрутили по рукам и ногам силу и власть старых феодальных владетелей — «удельных князей», их потомков «княжат» и их феодальных слуг — «бояр»[1]).

Сословная (дворянская) монархия торжествовала победу, но феодализм еще не умер.

Правда, старые феодалы — князья и бояре — были лишены их земельных имений и, следовательно, их политических прав (права на особое войско, чекан монеты, права войны и мира, и самостоятельных дипломатических сношений). Но взамен их именно в XVI в. вырос и продвинулся на историческую авансцену *новый класс землевладельцев-феодалов (дворян)*. Он нужен был государству, так как состоял из «служилых», т.-е. военно-служилых людей. Последние пополняли собою кадры московского конного войска. Они воевали с западными, южными и восточными соседями Москвы. А потому, как основная военная сила страны, сумели обеспечить за собою часть политических прав, утраченных титулованными феодалами: государственную землю с публично-правовыми отношениями к крестьянскому населению, на этих землях жившему.

8. Как называлось это феодально-сеньериальное право [2]), сохраненное центральной властью за землевладельцами?

Оно называлось правом поместным, а служилые землевладельцы его получавшие назывались помещиками, так как

---

[1]) В том смысл так наз. опричнины Ивана Грозного.

[2]) „Феодальное" потому, что оно регулировало связь по земле; „сеньериальное"—личную связь землевладельца и населения как частно-правовую, так и публично-правовую.

для обеспечения их военной службы их «испомещивали» (т.-е. помещали) на участках (поместных дачах) из государственного земельного фонда.

9. Новые феодалы-помещики — долго ли сохраняли за собой свои феодально-сеньериальные полномочия?

Они сохраняли эти полномочия в течение веков XVI, XVII, XVIII и XIX; чрезвычайно усилили их после своего освобождения от обязательной государственной службы в 1762 г. и — вопреки хозяйственному развитию страны—цепко удерживали их за собой до 1861 г. Только *реформа 19 февраля (ст. ст.) 1861 года* положила *предел дальнейшему развитию русского феодализма.*

10. Крепостное право, как специальная часть права феодально-сеньериального — существовало ли оно только в России? или же оно имело место и в других странах?

Как специальная часть права феодально-сеньериального крепостное право существовало не только в России, но и в других странах.

Но в различных странах, в различной природной и хозяйственной обстановке судьбы крестьянского вопроса и крепостного права были очень различны. Такие страны, как Англия, Швеция, Норвегия, Франция и Италия в новое время крепостного права уже не знали. Крепостная зависимость исчезла здесь лет 600-800 тому назад.

Но в некоторых из них (например, во Франции), длинный ряд феодальных повинностей вновь слагается лет 400 тому назад, сохраняется до конца XVIII века и ликвидируется лишь великой французской революцией 1789—1793 г.г. Напротив того в Дании, восточной Германии, Австрии, Польше, Литве, Латвии и Эстонии крепостное право закрепляется в XV-XVII в.в. и умирает лишь в первой половине XIX в.

II. КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗАКРЕПОЩЕНИЕ.

11. Когда возникло крепостное право в России?

В конце XV — начале XVII в.в., подобно тому, как это было в соседних с Россией странах, в частности в Дании, в стране сельско-хозяйственной, по преимуществу.

12. Во всех ли областях русского государства существовало крепостное право?

Нет. Оно существовало *лишь в европейской части России:* за уральским хребтом, в Сибири как западной, так и восточной, равно как и в Средней Азии крепостного права не было. Да и в европейской части России были области, где крепостное право силы не имело. Его не знало северно-русское Поморье — земли заволжские, территория, расположенная к северу от Белоозера и течения рек Сухоны и Вычегды.

Крепостное право имело ясно выраженный местный характер.

13. В тех областях, где оно имело силу — установилось ли оно одновременно?

Нет. В одной области оно закреплялось раньше, в другой позже. Позже чем в лесной полосе, граница которой проходит где то около прямой, соединяющей устья рек Десны (Днепровского притока) и Камы, крепостное право утвердилось в степях: в новороссийских степях в XVIII в., в украинских в XVII-XVIII в. В лесной полосе — центральных и западных

областях Великороссии и Белоруссии оно сложилось значительно раньше в XVI-XVII в.в.

14. В какой области Великороссии или Белоруссии крепостное право возникло впервые?

Вопрос огромной исторической важности. Однако, при настоящем состоянии источников, он остается неразрешенным. Мнения историков расходятся. По одним первая завязь крепостного права проявляется на заоцком черноземе (в лесостепной полосе) — там, где впоследствии (в XVIII-XIX в.в.) действительно слагаются тягчайшие условия жизни крепостной деревни; откуда несется мужицкий вопль о малоземелье («не только скотинки, но и куренка выгнать некуда»); где в свое время воспиталась историческая Салтычиха, а бытописатели крепостной деревни искали прообразов своих литературных персонажей типа Пеночкина (Тургенев). Однако, по мнению других историков, крепостное право оформляется не на заоцком черноземе, в усадьбах и деревнях мелкопоместных землевладельцев, а на подмосковном и «замосковном» суглинке — в крупных имениях титулованных бояр и монастырей.

Предложим несколько соображений в пользу третьего решения, вернее третьей рабочей гипотезы.

Как общее правило поместная система и поместное право насаждаются и расцветают *впервые в прифронтовых полосах.* И, конечно, именно по окраинам государства вырастают первые поместные дачи с принудительным (позже крепостным) трудом. Там, где государству была особенно нужна служилая дворянская конница, там она особенно охотно покупает ее службу за счет закрепощения свободного крестьянского населения.

В конце XV — начале XVI в. русское (тогда оно называлось «московским») государство имело следующие границы: 1) на севере — Северный Ледовитый океан и Белое море (Соловецкий монастырь); 2) на востоке — линия рек Сура, Ветлуга, Кама; 3) на юге — берег реки Оки («берегом» долгое время спустя называлась южная граница Московского государства, хотя последняя проходила значительно южнее Оки);

4) на западе — Финский залив (Ладога), река Нарова, озеро Чудское, река Великая (Псков).

Северная граница не испытывала сколько-нибудь значительного военного давления со стороны соседей — скандинавов. Мелкие споры и стычки в северных водах со шведско-норвежскими и датскими рыбаками, набеги свеи (шведов) и каянских немцев (финнов) в Поморье тянутся из далекой еще до-новгородской старины. Но даже непрестанная и напряженная борьба со Швецией из-за Финляндии и Финского залива не повлекла за собой оседания военно-служилого дворянства в Поморье.

Столь же напряженной была борьба на южном и восточном фронтах с татарами — Крымского и Казанского царств. Здесь в районе Коломны и Серпухова, Калуги, Тулы, Рязани и Н.-Новгорода в целях военной обороны границ московское правительство усиленно насаждает поместную систему. Но близкое соседство с привольной казацко-татарской степью грозило совершенным разбегом крестьянского населения, если бы правительство поддержало политику крестьянского закрепощения. Вместе с тем при обороне южного фронта правительство особенно внимательно относилось к организации гарнизонной службы: от татар Москва оборонялась, очень нерешительно продвигалась в степь и во время татарских набегов предпочитала отсиживаться в городах (крепостях) и острожках. Нуждаясь в военных людях для несения гарнизонной службы при пушках, затинных пищалях и крепостных воротах, правительство «прибирало» в службу всех охотников — не только вольных гулящих людей, но и тяглецов посадского или поместного крестьянина. В целях обороны от степняков, чтобы предотвратить разбег населения и его уход в степь («чтобы черты, т.-е. границы, не запустошить») правительство и позже (в 17 веке), *закрепощая мужика лесной полосы, своими собственными руками разбивало крестьянскую крепость в лесо-степной и степной полосе южного фронта.*

Иное дело на северо-западном новгородско-псковском фронте.

Во-первых: именно здесь *на территории старых новгородских бояр* — «сведенцов» [1]) Иван III тотчас после разгрома Новогородской республики (1478 г.) произвел *первый опыт насаждения мелко-поместного землевладения взамен старого крупно-вотчинного.*

Во-вторых, именно на этом северо-западном фронте Москва XV—XVI в.в. ведет свою агрессивную политику. Для наступления против Литвы, Польши и Швеции, в борьбе за Латвию и Эстонию держит в постоянной боевой готовности хорошо вооруженное и снаряженное для походов в «дальноконные грады» Прибалтики конно-дворянское войско. Прибалтийские топи, болота и кочки сулили плохие урожаи. Крестьянство охотно их покидало и уходило то на север — к Студеному морю на рыбные и морские промыслы, то на восток — к Каменному поясу (Уральскому хребту) — за пушниной и зверем, то в приокскую лесостепь или в открытую казацко-татарскую степь («дикое поле») Подонья и нижнего Поволжья. Таким образом на южный фронт, где Москва только оборонялась, отовсюду струились непрерывные струйки крестьянских колонистов. Тогда как *северо-западный фронт, где Москва наступала, — наступала упрямо-запальчиво, шла напролом, во что бы то ни стало — северо-западный фронт систематически обнажался.* А ведь на южном фронте степняк-татарин воевал Русскую землю луком да стрелами, тогда как с запада на русских наступала пехота «с вогненным боем» и артиллерией.

Военная борьба на северо-западном фронте искони веков была особенно трудна и в XV-XVI в.в. особенно значительна по своим целям. Иван III наступает против Швеции в Финляндии и воюет ее до Або; против Швеции и Ливонии (нынешней Латвии и Эстонии) по южному берегу Финского залива. В устье реки Наровы он ставит Ивангород — эффектный, но дорого стоивший России жест!

---

[1]) **Так назывались новгородские бояре потому, что Иван III „свел“ их с их старых вотчин.**

Обеспечив за собой путь на восток (взятие Казани и Астрахани 1552—1556 г.), царь Иван IV во второй половине XVI века ведет почти 30-ти летнюю войну со Швецией и Польшей из-за Ливонского (латвийско-эстонского) наследства.

Почему польско-шведские войны Ивана III и Ивана IV отличаются такой упрямой настойчивостью и возобновляются снова и снова несмотря на крайнее истощение народно-хозяйственных сил?

Тому были две причины. 1) Захват Новгородкой республики и ее поморских колоний (1478 г.): во-первых, чрезвычайно усилил московское княжество новыми рынками сырья (пушнины, металла, рыбы, соли, слюды и т. д.); во-вторых, придвинул границы московского княжества к самому Балтийскому морю и, завещав Москве новгородские традиции, вовлек ее, выросшую до значения крепкого государства в ожесточенную борьбу за рынки и торговые пути Балтийского поморья. 2) Захват Константинополя турками (1453 г.) преградил западно-европейским купцам прямой средиземноморский путь на рынки Аравии, Индии и Китая. Западная Европа ищет новых путей на дальний восток. Океанические скитания и открытия Христофора Колумба, открывшего Америку в 1492 г., Васко де Гама, обогнувшего африканский материк с юга (1497 г.), Магеллана, об'ехавшего Южную Америку (1520 г.) указывали западно-европейским купцам новые окружные торговые пути на восток.

В борьбе за восточные рынки Западная Европа решает использовать и Балтийское, и Белое моря. *Борьба за Балтийское море и датские проливы (Зунд и Бельты)* раздирает Европу на враждебные лагери, подобно современному нам вопросу о Босфоре и Дарданеллах. Ни одно из европейских государств не остается в стороне. Об'единенный новгородско-московский торговый капитал играет в прибалтийских распрях одну из первых ролей.

Московия XV—XVI в.в. останавливает на себе внимание западно-европейских держав: во-первых, как *одна из крупных единиц в «мировой войне» за Прибалтику;* во-вторых, как

страна торгового транзита, как перепутье между Западом и Востоком (Балтийское море — Волга — Каспийское море; Белое море — С. Двина — Волга — Каспийское море; последний путь был открыт и использован для восточной торговли компанией английских купцов в 1553 г.); в-третьих, как *богатейший рынок сырья и,* в-четвертых, как возможный военный авангард столь желанной для Рима, Австрии и Польши *европейской антитурецкой коалиции.*

Какие последствия для внутренней жизни России отсюда проистекали? Огромные. Россия должна была 1) обратиться к усиленной эксплоатации естественных богатств (именно ко времени ливонской кампании относится первое известие об английской концессии в Поморье);

2) усилить нажим на посадско-крестьянский труд;

3) создать собственные армию и флот.

Борьба за Балтийское море со Швецией и Польшей и гражданская (внутриклассовая и междуклассовая) борьба за рабочие, крестьянские руки—война и война—таковы основные проблемы внешней и внутренней политики московского государства XV — XVI в.в. И именно в северо-западной новгородской области борьба за рабочие крестьянские руки ранее, чем где-либо повела к усиленному закрепощению крестьян.

15. Какие классы или общественные группы принимали участие в борьбе за рабочие руки?

1) *Крестьянство,* при чем оно выступает или в одиночку (крестьянин-батрак, мелкий собственник (середняк) и кулак) или об'единенной крестьянской общиной;

и 2) землевладельческий класс, при чем поведение его было различно в зависимости от того, кто представлял его интересы: крупный землевладелец светского или духовного чина (столичный боярин, владыко или богатый монастырь); или же мелкопоместный провинциальный дворянин или «сынчишко боярский». И, наконец, отличную от обоих групп позицию занимало *московское правительство,* не оставлявшее политики

компромиссов в самые решительные моменты отчаянной гражданской войны, хотя в общем оно преследовало, конечно, цели и задачи землевладельческого класса.

16. Как и чем закреплялось право землевладельца XV—XVI в. на рабочие руки и где искать первый след крестьянского закрепощения?

Право землевладельца на крестьянский труд закреплялось за ним двояким способом:

1) *частно-правовым (гражданским)* и 2) *публично-правовым* (государственным). Землевладелец мог получить (и в действительности получал) право на крестьянский труд по частному договору аренды. При этом писался особый акт «*порядная (договорная) грамота*». В ней обозначался 1) размер и границы арендуемого участка; 2) обязанности новопорядчика в отношении землевладельца и государства и 3) обязанности замлевладельца в отношении арендатора-порядчика.

Крестьянин-порядчик обязывался: 1) на арендованном участке вновь завести земледельческое хозяйство, если его до того не было, или же—в ином случае—исправно поддерживать старое;

2) выплачивать все государственные подати и отбывать все государственные повинности со своего участка, коль скоро минет податная льгота, если он таковую получает;

3) отдавать землевладельцу часть своего труда или в виде оброка (натурального или денежного) или в виде личной трудовой повинности («дела», «изделья») по наряду землевладельца.

Обязанности землевладельца сводились к предоставлению известной льготы в платежах и повинностях в случае, если крестьянин обязывался поднять целину (новь).

Порядная сама по себе никаких элементов закрепощения не заключала. Но часто она сопровождалась *договором займа*—ссуды, при чем в качестве ссуды крестьянин-новопорядчик получал семена или хлеб, деньги или орудия производства, иногда, может быть, и одежду.

Из этих отношений труда и капитала и вырастало в дальнейшем крестьянская задолженность, а затем и личная крепость кредитору.

Но указанный путь частного «поряда» не был ни единственно-возможным, ни преобладающим в распространении землевладельческих прав на крестьянский труд.

Существовал значительно более торный и опасный для крестьянства путь поместного пожалования. *По местной* (ввозной или послушной) *грамоте—грамоте публично-правового характера*—между землевладельцем и крестьянами пожалованной ему деревни завязывались очень сложные отношения. Землевладелец получал не только 1) право на крестьянский труд (на оброк и барщину), но и 2) право на распоряжение земельными угодьями поместья, право размежевания, огораживания и выдела «барской пашни» и 3) право на суд и администрацию в пределах поместья. При чем в ранних поместных грамотах (конца XV в.) правительство предоставляет вполне на усмотрение помещика размер крестьянского оброка и барщины, оговаривая в свою пользу лишь исправное отбывание государственного тягла [1]).

Первый путь — *путь частного «поряда» вовлекал в поместно-вотчинные сети крестьянина-одиночку* и, если речь идет о займе, то, надо думать, *крестьянина маломочного.*

Второй путь — *путь государственного «испомещения»* теми же поместными сетями оплетал *целые крестьянские общины,* не взирая на их экономический облик и на внутриобщинное классовое расслоение крестьянства.

Но, отдав землевладельцу часть своего труда и своих угодий, крестьянин, заслоненный от обще-государственной администрации администрацией поместной, был все же еще очень далек от крепости помещику. У него оставались все его имущественные и личные права и в частности знаменитое *право перехода или «выхода».* Оставалось в силе старое правило междукняжеских договоров «межи нас вольным воля».

---

[1]) **Тяглом наз. вся совокупность государственных податей и повинностей.**

17. Чем вызывались эти крестьянские «выходы» и какой процент крестьянского населения пребывал в текучем полубродячем состоянии?

Естественным процессом колонизации страны, при чем различия отдельных географических областей *по климату, почвам, естественным богатствам* и условиям социального быта ускоряли и еще более обостряли этот процесс. Тучная, хлебородная, изобильная дичью и рыбой, медом и воском Рязанская земля мало походила на туманную, тощую русскую Прибалтику. В пределах одной и той же Рязанской земли условия жизни рязанца-мужика на правом (черноземном) и левом (суглинистом и супесчаном) берегу Оки были далеко не одни и те же, и внутренние передвижки рязанского населения имели место параллельно с иммиграцией[1]) извне.

Медвежий угол осташковских озер и лесов не знал тех выгод, которые сулило участие в поволжском транзите или на торговых перепутьях: в Нижнем, Каргополе или Вологде. Далее: в пределах одного и того же района, одной и той же волости или стана существовали свои особые порядки тягла (т.-е. государственных податей и повинностей), земельной аренды, частновладельческих оброка и барщины. «Что ни деревня, то обычай». И различие этих обычаев («кутюм») увеличивалось от различия употребительных мер (веса или сыпучих тел). А потому для крестьянина дер. Михаиловки иной раз было очень выгодно перейти в дер. Александровку, расположившуюся неподалеку за рекой: на новом корню он мог рассчитывать найти и *более легкое тягло* и *меньший размер «помещикова дохода»*.

Наконец, по окраинам государства—на севере у Студеного моря; на востоке в Приуралье и в Поволжье; на юге в степи («на диком поле») так легко было избежать и государева тягла, и помещикова оброка! Так изобильны были рыбные и пушные богатства. Искони веков именно здесь по границам государства растекалось и расселялось крестьянское население

1) Приходом.

центральных областей и пополняло здесь станицы казаков и ватаги вольных гулящих людей, ушкуйников, промышленников—землепроходцев.

Какая часть крестьянского населения XV — XVI в.в. находилась в этом полукочевом, полубродячем состоянии? Жило ли оно оседло, прочно связанное со своим хозяйственным корнем или же на подобие степного перекати-поле бродило по лицу земли?

Вопрос по состоянию наших источников совершенно *неразрешимый*. Однако, в качестве сравнительно-исторического материала можно использовать данные по истории отхожих промыслов русской деревни. До сих пор отход крестьянского населения на сторону на заработки периодически снимает с насиженных мест и раскидывает по соседним и отдаленным губерниям значительную часть деревенского населения. Если для всей территории СССР отход охватывает около 2% населения, то для промышленных ее областей он значительно выростает и, например, по Калининской волости, Тверской губ. в 1923—24 г. достиг 35%. Иначе говоря, больше $\frac{1}{3}$ части волостного населения периодически приходит в движение, срывается с мест и уходит на сторону. Для XV — XVI в.в — в условиях растущего тягла и крепостной неволи — этот мужицкий отход был, конечно, еще более значителен. *Стихийные бедствия* (засухи, заморозки, эпидемии, эпизоотии) действовали разрушительнее на народное хозяйство и еще более усиливали отход.

18. Когда и при каких условиях право крестьянского отхода (перехода или «выхода») подвергается законодательному ограничению?

Очень рано — *еще в XIV веке* — крестьянский переход нормируется законодательством. Крестьянин не может покинуть свой надел, когда ему заблагорассудится, вдруг — накануне весенней страды или в разгар летней работы, покоса, жатвы («межень лета и всегды»). Он должен ждать наступления поздней осени и полного окончания на зиму всех сельскохозяйственных работ. Так по Псковской Судной Грамоте (XIV в.) крестьянин может уйти не ранее *14 ноября* ст. ст.

(день Филиппова заговенья). По московскому обычному праву, фиксированному Судебником 1497 г. крестьянский выход разрешался около *26 ноября* ст. ст. («неделя до Юрьева дня осеннего и неделя после Юрьева дня осеннего»).

«*Юрьев день*» был обычным сроком крестьянского выхода и найма сроковых рабочих («рядовых»), отчего крестьяне-батраки назывались также «юрьевскими».

19. Как определялись позиции сторон в борьбе за «Юрьев день» (за право крестьянского перехода) и кто вышел победителем из этой борьбы?

В борьбе за «Юрьев день», иначе говоря, за рабочие руки столкнулись крестьяне и землевладельцы во главе с правительственной властью. Каждый из них преследовал свои цели, особые для каждой особой общественной группы.

Так *землевладелец* — и крупный, и мелкий, и духовного, и светского чина — преследовал одну общую всему землевладельческому классу цель — обратить крестьянина в холопа или, если бы это оказалось невозможным, прикрепить крестьянина и его потомство личнно к себе (землевладельцу) и к своему (т.-е. землевладельца) потомству.

Но в осуществлении этой цели интересы крупного (столичного) и мелкого (провинциального) землевладения не совпадали.

Крупный землевладелец (боярин или богатый монастырь) располагал многочисленными и разнообразными средствами, чтобы удержать за собою своего мужика. Он мог предоставить и более льготные условия аренды земли и инвентаря, и ссудить арендатора всем необходимым для обзаведения; благодаря своей близости к власти (центральной и местной) он лучше мог охранить своих крестьян от несправедливых притязаний соседей или против них вместе со своими крестьянами и дворовыми выступать в настоящей войне феодального типа.

А потому, крестьяне довольно охотно селились под рукой и защитой крупного землевладельца, оставлявшего им иногда порядки мирского самоуправления.

Крупному землевладельцу легче было или сманить или вывезти к себе крестьянина мелкопоместного соседа, ибо чем меньше была поместно-вотчинная дача служилого человека, тем (в виду примитивности современной техники) при прочих равных условиях больший нажим испытывал крестьянин-арендатор. Чем слабее был хозяин землевладелец, тем больше ударов падало на долю его крестьян со стороны соседей.

Вот почему в виду разбега крестьянского населения и совершенного от того разорения мелкопоместный провинциальный дворянин энергично настаивает на запрещении крестьянского выхода и вывоза, тогда как крупное землевладение пытается использовать выгодные для него последствия свободы крестьянского перехода и *как бы* [1]) обеспечивает ее для крестьян.

Каково было отношение крестьян к их праву перехода?

Различно — в зависимости от того, высказывался ли крестьянин, как *одиночка* или как *член общины;* был ли он *батраком или собственником.* Крестьянин-батрак, пролетарий («рядовой», «юрьевский»), не связанный ни замлей, ни двором, ни хозяйством, предпочитал и долее оставаться свободным, вольным, перехожим новопорядчиком, готовым плохое или хорошее житье у одного землевладельца сменить на лучшую долю в поместье другого.

Иначе рассуждали крестьяне-общинники, не деревенские «перекати поле», а крестьяне домовитые, осевшие в деревне со своим хозяйством и вместе со своими односельчанами связанные круговой порукой в уплате государственных податей и отбывании повинностей. Эти крестьяне — крестьяне «тутошные», «становые», «волостные», «старожильцы», как их еще называли, естественно следили за тем, чтобы ни один член их общины не «избывал» (избегал) тягла и, конечно, препятствовали крестьянским переходам из волости в волость, из села в село.

---

[1]) В действительности и оно стремилось к личному закрепощению крестьян.

Какую позицию в изучаемом вопросе занимало законодательство?

Царь и боярская дума («бояре») в вопросе о крестьянском переходе *долгое время колеблется в нерешительности. Беспорядочные выходы и вывозы* крестьян — то весной накануне полевых работ, то летом в разгар деревенской страды — влекли за собою *гибельные следствия.*

Во-первых, ежегодно и иногда помногу раз в год повторявшийся своз крестьян, возрождал всякий раз только что утихшую гражданскую войну. *Угроза общественной тишине и государственной безопасности* была настолько велика, что законодатель должен был учесть ее подлинное значение и так или иначе вмешаться в вопрос о крестьянских переходах.

Во-вторых, постоянные крестьянские переходы превращали значительную часть крестьянского населения в крайне подвижную непоседливую массу, *мало доступную государственному учету и следовательно гоударственному обложению.*

В-третьих, полубродячий образ жизни известной части сельского населения обрекал *сельско-хозяйственную культуру* на существование в формах исключительно примитивных.

Таким образом, *агрикультурный, административно-полицейский* и, главным образом, *фискальный интересы* увлекали законодателя на путь ограничения крестьянских переходов. Однако, невозможно же бы мерами законодательного или административного порядка охватить и задержать стихийный процесс размещения населения по территории русского государства, во-первых. Во-вторых, политика запрещения крестьянских переходов усилила бы личную зависимость крестьянина от землевладельца и следовательно, при прочих равных условиях, ускорила бы *процесс превращения крестьян в холопов.* А это, в свою очередь, лишило бы государство его плательщиков-тяглецов и воинов и увеличило бы за счет центральной власти силу феодалов-землевладельцев.

Вот почему законодательство *до поры до времени охраняет свободу крестьянских переходов.* Но вместе с тем не-

уклонно настаивает на том, чтобы там или здесь, в той или иной деревне всякий крестьянин платил бы в государственную казну подати и отбывал бы известные трудовые повинности общегосударственного значения. В этом именно смысле и составлены статьи 57 и 88 Судебников 1497 и 1550 г. Идея тяглового прикрепления крестьян, охрана свободы крестьянских переходов и вместе с тем известные уступки землевладельческой идее личного их закрепощения.

Итак, по вопросу о праве крестьянского перехода — вопросу боевому для XV-XVI в.в. — слагались следующие решения:

1) *Землевладение развертывает идею личного закрепощения* крестьян, при чем землевладелец столичного чина поддерживает до поры до времени свободу крестьянского выхода (или вернее вывоза) и неожиданно оказывается — правда временным и случайным — союзником крестьян-бедняков, с.-х. рабочих, батраков. Мелкопоместное дворянство энергично настаивает на запрещении крестьянского перехода.

И 2) в этом пункте его вожделения совпадают с расчетами крестьянской общины, руководимой людьми добрыми, крестьянами пожиточными (по современной терминологии — «кулаками»).

В дальнейшем их пути, конечно, расходились: *дворянская идея личного закрепощения мужика противоречила мужицкой идее его поземельного прикрепления.*

3) Московское *законодательство* по крестьянскому вопросу испытывает значительные колебания: сперва *в XV и первой половине XVI в. держится союза с крупным землевладением* и декретирует свободу крестьянского перехода, противопоставляя свою идею тяглового прикрепления крестьян крестьянской идее поземельного их прикрепления и землевладельческой — личной крепости. Однако, *во второй половине XVI в.* последняя идея значительно крепнет, и законодательная равнодействующая естественно отклоняется в сторону и направляется *по линии закрепощения («заповеди») крестьянского выхода.*

20. Как об'яснить эту перемену правительственной политики в крестьянском вопросе второй половины XVI века?

Об'яснение тому находим в следующем.

Во-первых, только к половине XVI века московская власть сумела *окончательно освоить* приобретенные ею в XV-XVI в.в. *новгородские, тверские и рязанские владения*. Только к половине XVI века она сумела охватить их сеткой московского государства тягла («дани»). До того московская власть осторожно и зорко оберегала мужика-тяглеца от цепких крепостнических рук землевладельца-феодала.

Во-вторых, именно, к половине XVI века сказались политические *последствия гибели Новгородской республики* и продвижения московских границ к побережьям Балтийского моря. Москва — иначе говоря, об'единенный московско-новгородский торгово-промышленный капитал — вовлекается в ожесточенную борьбу за рынки и торговые пути Прибалтики.

Экономический и политический рост военно-служилого дворянства усиливается вдвойне благодаря усилению военной опасности со стороны западных соседей Польши и Швеции (война из-за Финляндии со Швецией 1555—1557 г.г. и со Швецией и Польшей из-за Ливонии, т.-е. Латвии и Эстонии 1558—1583 г.г.).

В своей борьбе как внешней (с Польшей, Швецией, Крымской, Казанской и Астраханской ордой и поволжскими инородцами), так и внутренней (с остатками старых «удельных» — феодальных традиций) московская власть ориентируется на военно- служилое дворянство. Русский дворянин XVI в. подобно своим западно-европейским собратьям[1]) продвигается к власти и в *кровавой дворянской революции овладевает боярской землей и крестьянской свободой*. Органом и выразителем дворянской диктатуры была «опричнина» Ивана Грозного. Ее идеологом и публицистом Иващко Пересветов.

Двадцать лет спустя после издания судебника 1550 г. — *в 1570 г.* царь Иван IV издает *(первый известный нам) указ*

---

[1]) Ср. немецкое рыцарство.

о запрещении крестьянских переходов в означенном году по Шелонской пятине Новгородской земли. 1570 год был об'явлен «заповедным».

21. Какие ближайшие поводы вызвали к жизни указ 1570 г. о заповеди крестьянского выхода?

Этих поводов было несколько. Первый из них — *разбег* («отход») *крестьянского населения* с новгородской прифронтовой окраины, усилившийся в виду ливонской кампании.

Второй — усиленное в виду непрерывных с 1555 г. войн испомещение дворянства в той же новгородской прифронтовой полосе; следовательно, непрерывное увеличение числа претендентов на рабочие руки, при чем для новгородской окраины характерно мелко-дробное поместное землевладение.

Третий — *голод и чума*, «черная смерть», прокатившиеся по новгородскому краю в 1570 г., сильно разредившие население крестьянского двора и следовательно вместе с общим ухудшением положения крестьянина-батрака, обострившие борьбу за рабочие руки.

Четвертый — *подготовка* конно-дворянской армии *к ревельскому походу 1570—71 г.г.*, и следовательно, как неизбежная взятка дворянству более прочное закрепощение за ним его крестьян и «заповедь» крестьянского выхода (1570 г.).

22. Как долго эта «заповедь» имела силу? И на какой территории она действовала?

В течение года и только в Шелонской пятине Новгородской земли.

23. Повторялась ли «заповедь» крестьянского выхода позже 1570 г.

Для новгородской прифронтовой полосы она повторялась неоднократно в 80-х годах XVI века.

24. Известно ли, когда эта временная и местная «заповедь» крестьянского выхода превратилась в бессрочную и повсеместную?

Неизвестно. Неизвестно даже, был ли вообще когда-либо издан этот указ о бессрочном и повсеместном запрещении кре-

стьянского выхода или же свобода крестьянского перехода, стесняемая временными и местными «заповедями», умерла без особого вмешательства закона общегосударственного значения. Вероятнее последнее.

Но так или иначе *к концу XVI века крестьянство повидимому утратило свободу перехода:* «выход» превратился в «своз» или побег. «Юрьев день» и борьба за него остались далеко позади: «вот тебе, бабушка, и Юрьев день», покорно-раздумчиво или злобно-усмешливо повторял «об'егоренный» мужичок.

На очередь стал следующий вопрос злободневного, боевого значения: сыск беглых и вывезенных крестьян и борьба за увеличение его срока, *борьба за «урочные лета»* (1597 г.).

Государство по прежнему цепко держит мужика-тяглеца, крепит его государственному тяглу, не отдавая в безраздельное (личное и наследственное) пользование дворянству. Но однажды завязав первый узелок между мужиком и землевладельцем, законодатель под давлением последнего своими собственными руками *плетет узелок за узелком,* а житейская практика стягивает их в неразрывную сетку крепостной неволи.

25. Как выражалось участие законодателя XVI в. в углублении личной зависимости крестьянина от землевладельца?

Законодатель увеличивает сумму поместных прав, предоставляемых им военно-служилым людям.

26. Это увеличение поместного права — в чем оно выражалось?

По поместной грамоте помещик получал право на пользование, во-первых, земельными угодьями поместья, во-вторых, крестьянским трудом. Именно в этих двух направлениях в полном согласии с обще-экономической и политической обстановкой момента помещик увеличивает круг и содержание своих притязаний. А законодатель фиксирует их в новых формулах поместных грамот. По поместным грамотам начала 70-х годов одновременно с «заповедью» крестьянского выхода шелонские

помещики получают право: 1) произвольной переоброчки крестьян и 2) произвольного выдела боярской запашки (своего рода «огораживания»).

27. Насколько реально-тяжелы были эти новые требования землевладельцев 70-х годов XVI в.?

Неизвестно. Следует, однако, заметить, что при учете реального значения переоброчки 70-х годов необходимо постоянно иметь в виду не только настойчивое стремление землевладельца усилить нажим на крестьянский труд, но и последствия той экономической революции (*«революции цен»*), которая прокатилась в XVI в. по всей западной Европе от Испании до Московии и, конечно, захватила своим крылом и отдаленный московский рынок.

Чем была вызвана эта «революция цен»?

Открытием Америки в 1492 г. и усиленным вывозом в Европу, награбленного в Америке серебра. В итоге товарные цены западно-европейских рынков XVI-XVII в.в. поднялись на 100-150%; цены на хлеб только за XVI в. повысились на 150-200%, тогда как заработная плата номинально увеличилась на 30-40%, иначе говоря, реально пала в степени очень значительной. Правда, из огромных запасов американского серебра на долю Москвы пришлась довольно скромная часть: не более 5%, считая время 16 и 17 веков.

Но *колебания денежного курса* и его падение для Москвы XVI в. несомненны и для трудящихся масс не могли не иметь гибельных последствий. Опричники Таубе и Крузе выразительно отметили их для современного им русского крестьянства.

28. Как отзывается крестьянство на растущую крепость помещику?

Прежде всего—разбегом. Исконный процесс колонизации страны приобретает большую силу. Крестьяне и, конечно, главнейшим образом бесхозяйственные срываются с мест и, подгоняемые требовательностью государственных чиновников или помещичьего приказчика, уходят. Куда? Куда, глаза глядят.

Крестьяне новгородские — на север к Студеному морю, на лесные, пушные, звериные, рыбные, соляные, слюдяные промыслы Поморья; на восток — на Каму, к Уральскому хребту. Крестьяне замосковных городов — на юг, в Подонье и дикое поле (степь). С 1552—56 г.г. после взятия Казани и Астрахани для колонизации открылось все Поволжье.

Те, кто оставался на старых насиженных местах, встречали своих новых господ не покорностью и лаской, а «с шумом», порой с дубьем, дрекольем и красным петухом, «бунтом» и «огурством». Мы мало знаем об этих разрозненных и бесформенных выступлениях русского крестьянства начального периода крепостной зависимости.

Но к концу XVI — началу XVII в.в. они слились в грозное общерусское восстание — «Смуту», как называли его современники, восстание, подобное «крестьянским войнам» Германии начала того же XVI века.

III. СМУТА 1601 — 1619 г. г.

29. Русское крестьянство — выступает ли оно в Смуту единым фронтом?

Нет. Крестьянство северно-русского Поморья и Заволжья— *крестьянство «черносошное»* (государственное) революции не хотело. Богатевшее от торгов и промыслов [1]) поморское крестьянство переживало, конечно, глубокие процессы дифференциации; знало, конечно, и классовую внутри-уездную и внутридеревенскую борьбу и постоянно бродило. Но до точки революционного брожения так никогда — вплоть до 1917 г. — и не доходило. Поморье XVI в. революции не хотело и не знало. Оно было буквально контр-революционно. Оно же и восстановило старый порядок в центре, как только ощутило у себя первые всплески бурной революционной волны далекого степного юга.

Поморский посад, постепенно отрывавшийся от уезда, держал ту же позицию. И у посада были свои требования к законодателю и конкурирующим с ним в торгах и промыслах классам, были и свои внутри-посадские счеты и раздоры. Но из-за них поморский посад на революцию не пошел. Поморье было не только пассивно-консервативно: оно было активно контр-революционным.

Иначе было настроено *крестьянство частно-владельческое* центральной («замосковной») области, и западных и южных окраин. Правда, оно не питало никаких новых планов ни крестьянского, ни тем менее общегосударственного переустройства.

---

[1]) Вспомним, что в течение XVI в. именно Поморье было сокровищницей Московского государства. Именно на Поморье приходилась добрая треть и головной участок торгового тракта Архангельск-Астрахань, проторенного англичанами (1553 г.) и весь торговый путь от Колы до Урала.

В своей революционной настроенности оно было крайне недальновидно: возврат к старине, *к Юрьеву дню* и крестьянскому выходу — вот излюбленные лозунги закрепощенного крестьянства.

Но в осуществлении этих лозунгов оно было по своему последовательно и охотно приветствовало самую беспощадную социальную гражданскую войну со всей ее стихийной «жесточью», и не ожиданно для самого себя увлекалось перспективами привольной жизни «*без царя и бояр*».

30. Кто был союзником крестьянства в его выступлениях в Смутное время?

1) Революционным союзником крестьянства, больше того его организатором и вдохновителем является *казак*. Казак в Смуту XVII в., то же что рабочий в революции наших дней. В анархическое, точнее стихийно-слепое движение крестьянства казак вносил известную отчетливость действий и мысли: 1) военные отряды казаков были основной силой революции; 2) казацкий круг был прообразом будущего общественного строя без бояр и царя.

2) Вторым, но крайне опасным союзником крестьянская революция имела *ино-национальные окраины* русского государства. Русская колонизация Поволжья встречала энергичный отпор со стороны его первых или более ранних насельников — татар, чувашей, черемисов и мордвы. Уже на линии рек Ветлуга — Сура, Москва вступала в сплошной инородческий мир. Захват Казани и Астрахани (1552—1556 г.г.) лишь обострил взаимоотношения Москвы и Поволжья: русская колонизация поволжского Низа вызывает ответные инородческие восстания. Мордва, чуваши, черемисы, татары готовы были всегда поддержать всякое движение против Москвы, подобно тому, как позже калмыки, киргизы и башкиры деятельно помогали и Разину, и Пугачеву.

Неудивительно, что первым и последним оплотом противомосковских выступлений была Астрахань. Именно отсюда выходили все эти самозванные царевичи — Петрушка, Август,

Осиновик, Лаврушка. Именно здесь спасался Заруцкий с Варенком, сыном Тушинского вора. Отсюда же после ареста Разина для вторичной осады Симбирска вышел атаман Шелудяк [1]).

Итак, закрепощенное и закрепощаемое крестьянство центральных и окраинных областей в союзе с казацко-инородческой степью обрушивается на русский дворянско-крепостнический центр государства.

31. Во имя чего поднято было это крестьянско-казацко-инородческое восстание? И кто был его выразителем?

О целях и задачах движения история Смуты знает очень немногое. Известно только, что его главарями были то княжеский холоп Иван Исаевич *Болотников* (бежавший в свое время в степь, побывавший в плену и через Венецию и Польшу вернувшийся обратно на Русь), то *многочисленные самозванные «царевичи»*. Серию их начал Дмитрий I (Расстрига), продолжал Дмитрий II (Тушинский вор); за ними потянулись никому неведомые Петрушка, Лаврушка, Илейка, Август и т. д., и т. д.

Некоторые из них (Дмитрий I) довольно быстро отрывались от степной волны, вынесшей их к московскому престолу. От других мы не имеем ни одного документа, который излагал бы их программу, ни одного сколько-нибудь достоверного свидетельского показания.

Первым по времени против московского правительства царя Бориса выступил названный *Дмитрий I (Расстрига)*. Поддержанный Польшей и пограничными со степью (с «диким полем») так наз. «польскими» городами, он занял Москву 20 июня 1605 г. вскоре после внезапной смерти царя Бориса (13 апреля) и насильственной смерти его сына Федора, провозглашенного царем. Однако, московское боярство и московский посад быстро ликвидировали «царя-наскакателя» и в московском мятеже 17 мая 1606 г. царь Дмитрий был убит.

---

[1]) Казачье окружение и возможность иноземной поддержки (в виду турко-персидской войны и живой заинтересованности Персии в дружеских отношениях с Астраханью, как узловым транзитным пунктом) делали Астрахань еще более назависимой в своих действиях.

Но независимо от того однажды показанный путь на ненавистную Москву привлекал к себе все новых и новых «наскакателей». Снова и снова борьба с изменными боярами прикрывается однажды пущенным лозунгом защиты прав якобы законного претендента на московский престол. И опять все в той же вечно бродившей недовольством Северной Украине. Пользуясь слухами, что царь Дмитрий спасся от смерти, жив и готов «доступать прародительского престола», на границе дикого поля формируются отряды и под предводительством Болотникова идут к Москве.

Болотников (1606—1607 г.г.), прикрываясь именем где-то скрывавшегося Дмитрия, видимо, отличался революционностью своей программы социального переворота. 22 октября 1606 г. со своей смешанной ратью стал в с. Коломенском, неподалеку от Москвы. Оттуда он рассылал повюду не только отряды вооруженных холопов и крестьян, предававших все огню, дубине да пищали, но и свои «прелестные письма» (прокламации). К сожалению, они не сохранились до наших дней. А потому современному историку приходится довольствоваться их пересказом в документах противной стороны.

Защитник московского правительства царя Василия — патриарх Гермоген в своей грамоте от 30-го ноября так излагает содержание *этих «проклятых листов»* Болотникова: «велят де боярским холопам побивати своих бояр и жен, и вотчины, и поместья им сулят... торговых людей побивати и животы их грабити и призывают их воров к себе и хотят им давати боярство, и воеводство, и окольничество, и дьячество».

По показаниям летописца расправа Болотниковской рати была коротка: бояр и воевод «многими муками мучили; иных с башни метаху, иных с мосту в ров, иных вверх ногами вешаху; иных по стенам распинаху; руки и ноги гвоздием прибивше, из пищалей расстреляху».

Глубокий социальный корень «воровской» программы Болотникова — вне сомнений. Не вполне, однако, ясно: разумелась ли в его «прелестных листах» старая государственность с ее царем, чинами и социальной иерархией, в чем упрекал

Болотникова патриарх Гермоген; или — что вероятнее — на смену ей он нес *привычные для казака формы степной казацкой вольницы?*

Налет Болотникова окончился неудачей. Под давлением царских воевод он ушел из-под Москвы и закрепился в Калуге, позже сел в осаду в Туле. Правильной, более чем трехмесячной блокадой царь Василий вынудил Болотникова к сдаче 10 октября 1607 г. Болотников был сослан в Поморье, в надежный и верный царю Каргополь, где позже ослеплен и утоплен.

Еще до разгрома Болотникова летом 1607 г. об'явился, наконец, долгожданный царь Дмитрий (*Дмитрий II* 1607—1610), «злобесный и кроволакательный пес», позже прозванный противниками «Тушинским вором». И об'явился он опять-таки на юге: Стародуб и Путивль первым признали его царское достоинство.

Дмитрий II, если верить его историографам, лично маловлиятельный, создал под Москвой в Тушине свою столицу со своей боярской думой, приказами, воеводами, патриархом и царицей [1]). Центр и юг государства подчинялись Тушину. Поморье было на стороне ц. Василия. Влияние Тушина возростало. В тушинском движении так тесно сплелись самые различные тенденции самых разнообразных и взаимновраждебных классов. Каждый шел за свое. О какой-либо единой программе не могло быть и речи. В Тушине было все: и грабительские, и революционно-анархические выступления казанско-холопско-крепостной массы, и дворянская «опричнина», и попытки реставрации до-царской феодальной (удельно-княжеской) старины.

Неизвестно, как повернулась бы история Москвы, если бы не *шведско-польская интервенция,* совпавшая с моментом *первого выступления Поморья* (1608—начало 1609 г.г), до того стоявшего в стороне от перипетий революции. Тушинские отряды стали пробираться в Заволжье и своими набегами тре-

[1]) Царицей была Марина Мнишек, жена первого самозванца.

вожить и крестьян, и посадских далекого Севера, разрушать их торги и промыслы.

Север поднялся на защиту Москвы от Тушина: центра от мятежного юга. В январе 1610 г. Дмитрий II бежал в Калугу, где и был убит 11 декабря того же 1610 года.

32. Кто вместе с казаками, холопами, крепостными крестьянами и национальными меньшинствами окраин принимал участие в революционном движении начала XVII в.?

Русский землевладелец (провинциальный дворянин и московский боярин) и иноземные *правительства Швеции и Польши.*

Последние—исконные враги Московского государства—мечтают об его оккупации и личной унии с Москвой; частично (в 1611 г.) осуществляют свои планы: польское правительство сидит на Москве и в Смоленске; шведское — оккупирует Новгород Великий. Оба они упорно поддерживают состояние внутренней гражданской войны в России. Именно в этих целях поляки оказывают поддержку Дмитрию I против Москвы и царя Бориса, а шведы Москве и царю Василию против Тушина [1]). В момент величайшей разрухи в московском государстве об оккупации его северной—поморской — части мечтали англичане (проект капитана Чемберлена 1612 г.).

Провинциальный *дворянин* и московский *боярин* продолжали взаимную (внутриклассовую) полуторавековую борьбу за власть, за землю, за мужика.

Боярин (т.-е. крупный землевладелец) не мог простить мелкопоместному дворянину «опричнины» Ивана III и IV и, пользуясь Смутой, мечтал о возвращении к власти, хотя бы при помощи иноземной интервенции. Впрочем, обескровленное опричниной, бедное политическими идеями, русское боярство времен Смуты не пошло дальше подкрестной записи ц. Василия, своего рода Habeas corpus act. в редакции довольно наивной.

---

[1]) Для борьбы со шведско-польской интервенцией Псков призывает (в 1611 году) не то Сидорка, не то Матюшку, действовавшего от имени царевича Дмитрия (Дмитрий III).

Провинциальный дворянин, «лакнувший крови христианской», еще в опричнину, мечтал о продолжении и дальнейшем развитии последней.

И во взаимной склоке противники-землевладельцы и крепостники пытаются использовать силы казацко-крестьянской рати [1]). Но отпадают от нее всякий раз, как вскрывается логическая и практическая невозможность подобного союза.

Вот почему, не взирая на быстрый рост кровавой крестьянской революции, землевладельцы, организованные в ополчения разрешают крестьянский вопрос в смысле для себя благоприятном.

Еще при ц. Борисе — в голодные предреволюционные годы (1601—1602) провинциальное дворянство получило очень важные преимущества в свозе крестьян. При ц. Василье в 1606 г. также по связи с голодными годами и следовательно новым обострением крестьянского вопроса, определен был *порядок возврата беглых крестьян*. В марте 1607 г. в разгар болотниковского движения правительство ц. Василия в угоду провинциальному дворянству *удлиняет срок сыска беглых крестьян* (т.-е. «урочные лета») и определяет его в 15 лет, взамен пяти (по указу 1597 г.).

Все последующие «приговоры» смутных лет 1610—1611 г.г., как составленные землевладельцами, настаивают на крестьянской крепости, на запрещении крестьянского перехода. Исключением были лозунги, брошенные в свое время Ляпуновым. Он так призывал в казаки: «и которые боярские люди, и крепостные, и старинные и те бы шли безо всяко сумнения и боязни — всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам». Но ведь эти призывы были обращены к холопам богатых боярских домов, т.-е. иначе говоря, продолжали внутриклассовую борьбу столичного и провинциального землевладения.

Итак, революция начала XVII в. («Смута») пришла с южных и юго-восточных окраин и дикого поля. Подняла взба-

---

[1]) Сравн.: кн. И. Д. Хворостинин, кн. Шаховской, кн. Масальский, кн. Телятевский у Болотникова; рязанские дворяне Ляпуновы в Тушине.

замутила центральные области государства; дрогнула под ответными ударами контр-революционного севера в тот момент, когда на сторону последнего стало и дворянство разбитых смутой западных областей, и часть казачества. Та его часть, которая была организована в ополчение кн. Трубецкого — «прямые атаманы и казаки», а не те «казаки — воры», которые продолжали «грабить» Московское государство и после очищения Москвы в октябре 1612 г. и избрания на престол новой династии Романовых в феврале следующего 1613 года.

Первая крестьянско-казацкая революция погибла, не пересоздав старого крепостнического государства.

IV. ОТ СМУТЫ ДО РАЗИНА.

33. Каковы были ближайшие итоги Смуты?

«Всеконечная скудность и разорение» страны: народного хозяйства, финансов и т. д. Степень запустения страны может быть иллюстрирована данными о размерах государственного обложения и убыли сошных окладов за смутное время.

Наиболее пострадавшими в Смуту были районы западный и северо-западный, т.-е. те, в которых сплетались различные политические влияния, где в течение полутора десятка лет действовали многочисленные «воровские» отряды туземного и иноземного происхождения.

В итоге, в 20-х годах XVII века, Можайск платит государственные подати («тянет тягло») по окладу уменьшенному против до-смутного более, чем во 100 раз. До-смутный оклад Вереи исчислялся в 400 окладных единиц (четей), после Смуты он был равен лишь 1¾ чети. Торжок, Тверь и Кашин платили до Смуты с 3.200—2.825—1.466 четей. После Смуты их оклады пали до 30—27—25 четей.

Уменьшение окладов на 50—90%, явление встречающееся очень часто.

34. Чем кончилась Смута для крепостного крестьянства?

Крестьянское хозяйство разбито. Крестьянин превращается в бобыля.

Крестьянин поместно-вотчинных земель выходит из Смуты закрепощенным еще более. Исстаринный процесс взаимовоздействия поместного права и права вотчинного, претерпевает значительное изменение, чреватое огромными социальными последствиями. В Смутное время (при ц. Василье) появляется особый вид землевладения—вотчинно-выслуженного: за москов-

скую осаду от тушинцев («за царя Васильево осадное сидение») земли жалуются *на вотчинном праве.* Вотчинное землевладение (путем и пожалования, и покупки) растет за счет поместного. В помещике и вотчиннике в виду организации полков иноземного строя усиливаются *элементы сельского хозяина* за счет прежде доминировавшего военно-служилого его значения.

Все это — при прочих равных условиях — ускоряет темп развития крепостных отношений в деревне и бытового слияния крепостного крестьянина с холопом: *крестьянин, лишенный земли* и переведенный на месячину *и холоп, выведенный «за двор» на пашню* — таковы те промежуточные звенья, которые сцепляли в одну длинную неразрывную цепь «помещичьих подданных».

Мало того: в Смутное время и после него *крепостное право растет количественно,* вовлекая в сферу своего влияния все новые и новые территории черных (государственных) и дворцовых (удельных) земель.

Крепостное право охватывает весь центр государства; следом за колонистами продвигается в степь; протягивается и на север в Заволжье к Белоозеру. Конечно, всякого нового землевладельца крестьяне встречали шумно и «огурливо», на село или в деревню не пускали, землей и двором владеть не давали, «боярского дела» (барщины) не делали.

Однако, карательные экспедиции — частные и правительственные—делали свое дело, и крепостная неволя охватывала понемногу все стороны и личных, и имущественных прав мужика.

Мужик оставался об'ектом взаимной борьбы столичного и провинциального землевладения, при чем — в условиях запустения и разорения страны, в условиях войны за «очищение» земли и растущей колонизации дикого поля и Сибири [1]) — борьба за рабочие руки принимала все более и более острый характер.

---

[1]) К первым годам 17 в. русские колонисты дошли до р. Енисея; в 40-х годах 17 в. до Великого океана.

35. Как протекала эта борьба в первой половине XVII века и чем она завершилась?

Боевым ее пунктом для первой половины XVII в. был *вопрос об «урочных летах»*, т.-е. определенном сроке для сыска беглых крестьян. «Новая дворцовая знать, реставрированная под аристократию XVI века» (П. Смирнов) возрождает старобоярскую позицию в этом вопросе. Провинциальное дворянство попрежнему настаивает на отмене «урочных лет». На шумных дворянских с'ездах в Москве вопрос о том возбуждался много раз. Эти московские с'езды провинциального дворянства бывали: 1) ежегодно весной или зимой: или перед походом дворянской армии на южную татарскую границу, или около 25 декабря, когда на святках в московских приказах разбирались дела по искам провинциального дворянства к столичным и высшим духовным чинам и монастырям; 2) эпизодически — по большей части в связи с ожидаемыми набегами крымцев. От этих-то с'ездов и дошли до нас те многочисленные петиции («челобитья») провинциального дворянства, которые неустанно твердят «о службе, о крестьянах и о московских судах».

Челобитья первой половины XVII в. (1637, 1641, 1645, 1648 г.г.) сперва (в 1637 г.) говорят лишь *об удлинении срока* сыска беглых крестьян до 9-ти лет. Но позже (в 1641 г. на с'езде, созванном по поводу Азовского вопроса: держать Азов за Москвой или возвратить туркам?) занимают в крестьянском вопросе более агрессивную позицию. Речь заходит *об отмене урочных лет* и пересмотре дел о вывозе крестьянском. Раздавались громкие жалобы на бояр, на их бандитские налеты на поместья и вотчины их маломочных соседей; на то, что они людей и крестьян их насильством вывозя к себе «в чепи и в железах держали, а иные и записи на них и всякие крепости имали и вымучивали, а жен и дочерей позорили». Возбуждение с'ехавшихся дворян против бояр было очень велико. «Смешение стало великое». Казалось, не обойдется дело без новой вспышки злобной дворянской революции — «боярам от земли быть побитым». Однако, правительство предотвратило дворянскую грозу: «урочные лета» были прод-

лены — до 10 лет для сыска беглых крестьян и до 15 лет для сыска вывезенных.

Такое компромиссное решение, конечно, не удовлетворило дворянства: 10—15 лет срок недостаточный для сыска и суда о побеге или свозе, дворянство, занятое службой не может восстановить попираемые боярством права и отыскать своих крестьян в тех дальних деревнях, куда прячут «сильные люди».

Жалобы на разбег и своз крестьян текут по провинции в Кремль широким потоком.

Во внимание к ним и под их прямым воздействием *отмена урочных лет была предрешена еще в 1645 году, но декретирована* лишь после московского мятежа 1648 г. в уложении *1649 г.*

Итак, более 50 лет (1597—1649 г.г) понадобилось на законодательное оформление затаенной мечты маломочного провинциального дворянина. *Юрьев день — заповедные годы — урочные лета:* таковы этапы крестьянского законодательства до 1649 г. 1649 год положил определенную грань в истории крестьянского вопроса. Попрежнему государство закрепляет непосредственную связь с крестьянином-тяглецом, плательщиком податей.

Но идея личного закрепощения последнего делает одновременно дальнейшие успехи.

36. В каком направлении развертывается борьба за крестьянина и вместе с ней крестьянское законодательство второй половины XVII в.?

Челобитья провинциального дворянства не иссякли и после московского мятежа, и Уложения 1648—49 г.г. Не взирая на победу, городовые дворяне и дети боярские опять и опять возвращаются к крестьянскому вопросу. «Урочные лета отставлены», а потому, центр тяжести перемещается дальше. Дворянство попрежнему страдает от крестьянских побегов. Попрежнему его крестьян свозят за сильных людей. Отсюда — челобитья о посылке заповедных грамот о неприеме беглых и о невывозе чужих крестьян и о посылке сыщиков для сыску,

суда и возврата крестьян «на старые места, кто где жил» (1657—58 г.г.).

Но, заповедная грамота, не скреплявшая определенной карой за ее нарушение, не имела бы смысла. Правда, денежный штраф в сумме 10 рублей был декретирован еще в 1607 г. Но с точки зрения провинциального дворянина и более справедливым, и более действительным, казался *штраф натурой:* «наддаточным (излишним) крестьянином, за каждого незаконно удержанного беглеца или противозаконно вывезенного крестьянина.

В этом именно смысле и был средактирован указ 1661 г., подкрепленный позже в 1677 г.[1]) «Сильные люди» не сдают позиций без боя. Вот почему, по вопросу вышеуказанному, в 80—90-х годах XVII в. один за другим издаются противоречивые указы 1681, 1682, 1683 и 1698 г.г., при чем в последнем случае один указ от другого был отделен 7-ью днями (16 и 23 марта). Так остро протекала и так живо отражалась в крестьянском законодательстве современная ему борьба старо-боярской (крупно-землевладельческой) и молодой, но боевой и задорной партии провинциального дворянства. Вспомним, что на эти же годы приходится отмена местничества и запрещение служилым людям земно кланяться «ближним людям» государя.

37. Каковы были настроения и поведение крепостного крестьянства в по-смутное время?

Ответные движения крестьянства на растущее закрепощение были очень разнообразны и пестры. От пассивной покорности и молчаливого «послушания» до активно-революционных выступлений. От неясной надежды на «волю» и расплывчатой мечты о «Юрьеве дне», до самовольного явного «выхода» и тайного побега в одиночку или деревней за рубеж, в Польшу или в степь. Крестьяне мирной ватагой нерешительно топчутся в приказной избе, упрашивая воеводу, чтобы тот дал им «волю». Наивная мечта овцы, ищущей суда у волка!

---

1) **Чигиринские и украинские походы дают повод для целой серии дворянских челобитных 70—80-х годов XVII в.**

То без оглядки бегут за рубеж. А чтобы некому было их и разыскивать, насильством увозят с собой своего «государя». Однажды на литовской границе были задержаны беглецы крестьяне: в их обозе был найден пограничной заставой помещик — их владелец; он был скован по рукам и ногам и запрятан в сено.

Бегут потихоньку, чтобы возвратившись через некоторое время обратно симулировать «полонное терпение» (пребывание в плену) и как «выходцам из полона», добиваться «воли» и иногда действительно ее получить.

Оставаясь дома, крестьяне то носят ладонки «от боярского гнева» или «портят» помещика «ведовством», то чинятся помещикам ослушны, дворян и детей боярских и всяких служилых людей «разоряют, животы их грабят, и их домы пожигают, а иных и самих, и жен их, и детей до смерти побивают».

В ответ — *карательная экспедиция.*

«А за смертное убивство и за пожег, читается в царском указе 1658 г., велели вешать, чтоб впредь иным так воровать было неповадно».

Но не ожидая царской грозы, крестьяне, махнув на хозяйство рукой, уходят «в даль». «Разоря помещиков своих и вотчинников бегают и живут в бегах».

Ни заповедные грамоты, ни деятельный сыск специальных сыщиков по крестьянским делам не могли предотвратить стихийной мужицкой тяги от дворянского капкана к привольной казацкой степи. *Мужики бежали.* Их сыскивали, выдавали на поруки, возвращали на старые места, сажали по тюрьмам. А они бежали и бежали. Только по одному Нижегородскому уезду только за один месяц и три недели 1658 г. только один сыщик сыскал 1.533 беглых крепостных. В том же 1658 г. (год заповедной грамоты) за 4½ месяца один сыщик сыскал по Арзамасскому уезду 1991 человека [1]).

---

[1]) Данные о сыске беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в. взяты из неопубликованного доклада А. А. Новосельского. Пользуюсь случаем принести автору мою благодарность.

38. Какова была политика правительства в вопросах сыска беглых крестьян и возврата их «на старые места, где кто жил»?

Как и в остальном это была *политика компромисса.* Правда, по настоянию дворянства, царские заповедные грамоты следуют одна за другой. Сыщики рассылаются по окраинам. Но были у московского правительства особые соображения, которые иногда заставляли его в сыскных делах о беглых крестьянах чинить служилым людям «разволоку (волокиту) великую» и всячески удерживать сбежавших крестьян в местах их новых поселений.

Отрезанное от Балтийского поморья *Ливонской войной и Смутой,* Московское государство естественно обратилось к усиленной колонизации южных и юго-восточных степных пространств. Встречные удары Крымской орды больно давали себя чувствовать в течение всего XVII и XVIII в. Оборона южной границы («черты») приобретает в этих условиях первостепенное значение. И правительство *(«чтобы черты не запустошитъ»)* не склонно было возвращать беглых крестьян из прифронтовой полосы. «Прибирая» их в военную службу в качестве крепостных воротников, пушкарей и затинщиков, оно *не только разрушало крестьянскую крепость,* но и открывало для бывших крепостных — теперь «служилых людей по прибору» *возможность перехода в городовое дворянство,* в группу служилых людей «по отечеству». По случаю Чигиринского похода в 1675 г. было решено без государева указа никого в холопство и в крестьянство не отдавать «для того, что те ратные люди научены копейному и рейтарскому и драгунскому и солдатскому строю и к нынешней службе и к походу надобны».

Вот почему, увлекая друг друга в южные степные городки и острожки, крестьяне уверенно повторяли: «Пойдем де братцы в Палотов, *там де мы будем сами дети боярские*» или «что де братцы жить за бояры, пошли де в Палотов, там де мы будем сами бояры».

Всегда ли выступления крестьян носили классовый характер? Нет. Отмена урочных лет (1649 г.); усиленный сыск и возврат беглых крестьян (сперва в связи с дворянским движе-

нием 1648 г., позже по заповедной грамоте 1658 г.); рост вотчинного права за счет поместного; усиленный нажим на крестьянский труд как со стороны землевладельцев, так и со стороны государства; произвольный перевод крестьянина с пашни во двор и обратно выход холопа на пашню («задворное холопство») — все это обостряло и осложняло внутри-деревенские отношения и положение крепостного мужика до чрезвычайности.

Однако, в развернувшейся борьбе за рабочие руки крестьяне были не только ее об'ектом, но часто и ее орудием. В нескончаемых феодальных войнах, столь характерных для эпохи «кулачного права», в столкновениях «сильных людей» столичного чина и маломочного провинциального дворянства крестьяне принимали порой самое деятельное участие: то защищая двор и деревни своего «государя» от налетов соседа; то нападая на последнего, грабя его села и деревни, угоняя скот, увозя скованных по рукам и ногам холопов и крестьян побежденной стороны.

Так причудливо извращалась жизнью идея классовой борьбы в сознании закрепощаемого мужика и господского холопа!

Но этой идее суждено было еще раз озарить кровавым заревом крепостную деревню XVII века.

Опять, как и в Смуту, ее возбудил и оформил с дикого поля казак.

Еще не вымерло поколение, пережившее и помнившее Смуту, как новое молодое опять потянулось к революции, и Разиновщиной затмило подвиги Болотникова и Заруцкого.

V. РАЗИНОВЩИНА.

39. Что такое Разиновщина?

Историки назвали так революционное движение второй половины XVII в. (1669—1671 г.г.), связанное с именем донского казака Степана Разина, его вдохновителя и организатора.

40. Какая общественная группа была основной силой?

Основным ядром, послужившим и очагом движения было «великое Донское войско». И в перипетиях Смутного времени казацкие станицы играли едва ли не первую роль. После того, в первой половине XVII в., насчитывая в своем составе от 4 до 10 тыс. человек, они сложились в своеобразную республиканскую федерацию. Набеги на черноморские (турко-татарские) и каспийские (персидские) побережья, охота за ясырем (пленниками) и торговля этим живым товаром — таков основной источник народно-казацкого благосостояния.

По отношению к Москве — военная служба (в виде тех же набегов на турок и татар) за жалованье хлебом, деньгами, военными припасами, сукном и т. п.

Войско Донское, владея частью старинного торгового тракта из Средиземноморья на Восток, естественно вовлекалось в сложную игру экономическх интересов соседних держав: и Москвы, и Крымского ханства с Турцией, и Персии.

А выгодами своего географо-экономического положения оно привлекало к себе выходцев отовсюду. Наибольший процент пополнения приходился, однако, на выходцев из Московского государства.

Кто же пополнял ряды Донского войска?

Тот, кто хорошо знал, что «Доном ото всех бед освобождаются», что выдачи с Дону не бывает и что служба на Дону ликвидирует все когда-то бывшие зависимые отношения. На Дон идет и промышленник — землепроходец, бежит и преступник, и холоп. С отменой урочных лет и ростом крепостного права на Дон устремляются *ватаги помещичьих крестьян.* По мере приближения московских границ к казачьим станицам приток беглых крестьян усиливается. На Дон мужик бежит со всем своим скарбом, с женой и детьми. С присоединением к Москве Украины (1653 г.) донские городки принимают к себе и украинских крестьян-переселенцев. Все эти выходцы в большей части оседали на среднем течении Дона среди «верховых» казаков. «Низовое» донское казачество попрежнему воевало с Крымом и Турцией и между прочим за выход с Дона в море. Позже, когда Дон (в 1660 г.) был действительно заперт цепями и крепостными бастионами, оно уходило казаковать на Волгу, Каспийское море и в Персию. «*Верховое» же казачество «ориентируется» на Москву* и, там ищет себе «зипунов». Еще в 40-х годах XVII в. казаки подходили к Козлову.

Летом 1666 г. *казачий атаман Василий Ус* во главе значительного отряда конных и пеших казаков (всего их было около 500 человек) явился под Воронежом, якобы «на государеву службу».

Чуя недоброе, воронежский воевода пытался его остановить. Однако — тщетно. Отряд двинулся по направлению к Москве.

Слух о походе казацкого атамана на Москву, однажды брошенный отозвался в низах тысячеголосым эхом. Вольные гулящие люди, беглые крестьяне и холопы, солдаты и драгуны тянулись к знаменитому атаману казацкой станицы. Отряд выростал с поразительной быстротой.

Поднялся своего рода grand'peur («великий ужас»). Терроризованные казаками или только слухами о них помещики спасались бегством, бросая поместья, забирая жен и детей.

Василий Ус, предшествуемый чудовищными слухами, дошел до Тулы и расположился лагерем верстах в восьми от нее.

Чем кончился его налет?

Неизвестно. Ивестно только, что позже Василий Ус доказывал войсковому кругу, что никаких злых намерений у него, Василия Уса, не было и что никаких грабежей и разбою он и его казаки не чинили. Но и Войско, и Москва, конечно, хорошо знали — чем мог быть и действительно был этот тульский поход казацко-крестьянского отряда численностью до 700 чел.

41. Как и когда выступил Разин?

Весной 1670 г. тот же путь («на Москву!») следом за Василием Усом проделал низовой казак Степан Тимофеевич Разин. Так же, как и Василий Ус, Разин прикрывал свой поход на Москву за зипунами и свои прямые цели социальной революции лозунгом государевой службы.

Лишь в том было отличие, что Василий Ус «прямил» царю Алексею, а Степан Разин якобы его сыну — «царевичу Алексею Алексеевичу», в действительности умершему еще в январе 1670 г.

Степан Разин, как это было в обыкновении у низовых казаков, до того (с весны 1667 до осени 1669 г.) «воровал» на Волге и на Каспийском море. В своем следующем очередном походе за зипунами Разин ориентировался на верховое казачество и выходцев из Московского государства. В охотниках недостатка быть не могло: «на Дону (людей) стало гораздо много, а кормиться им нечем, никаких добыч не стало».

В Кагальник (Разиновская резиденция на Дону) стекались все новые ватаги казаков донских и запорожских, беглых крестьян и холопов. За зиму 1669 года войско Разина выросло почти втрое и к весне 1670 г. насчитывало около 4.000 человек.

Движение Разина началось с Царицына, как пункта передаточного с Дона на Волгу. Легко без сопротивления была добыта и Астрахань, иначе говоря обеспечен выход в Каспийское море. Отсюда Разин пошел стругами вверх по Волге к Москве—с боярами повидаться, изменников повывести. Так обычный для казака поход за зипунами приобретает лозунги и значение социальной революции.

Нижне-волжские города Саратов и Самара взяты. Разин продвигается к Симбирску.

В занятых городах войсковой строй сменяет собою обычные порядки воеводского управления. Разжигается и бушует никогда не угасавшая острая ненависть к боярам-изменникам и воеводам.

«Воровские прелестные письма» Разина распространяют его влияние далеко за пределы его действий. Служилая мелкота, обделенная своим же братом-дворянином, крепостной мужик и холоп, пограничные служилые люди «по прибору» откликаются на их призывы.

На далекой Унже в вотчине кн. Одоевского, например, «учал быть бунт и мятеж по такому же воровскому письму».

42. Кроме казаков и крестьян, кого находим мы в войске Разина?

Как и в Смуту, против Москвы в 1670 г. поднялись ее исконные враги — *татары, мордва, чуваши, черемисы* и недавно прикочевавшие к Волге *калмыки.*

Успехи Разина в нижнем Поволжье и далее в районе Казани и рек Унжи-Ветлуги и Суры об'ясняются деятельным участием инородческой массы. Под Симбирск она вышла своим полком в 6.000 человек. И долго после Разиновщины, как и до нее, жгла и грабила русские поселки и поместья.

К северо-западу от Симбирска в Алаторском уезде успех восстания был обеспечен не только «помещиковыми людьми и крестьянами», но и мордвой, черемисами и чувашами: «бунтовщики» город Алатырь выжгли, а воеводу порубили. Из калмыцкой орды к Разину были послы; «говорили де ему Вору Стеньке, как он пойдет в Русь, а их де калмыцкое войско все готово».

43. Каковы были пределы распространения Разиновщины?

Точно неизвестно. Разиновские атаманы заходили со своими отрядами далеко вглубь государства *к северным границам Нижегородского уезда, до Рязани, до Тамбова.* Всюду, где только они ни появляются развертывается одна и та же картина: в селах и деревнях крестьяне «бунтуют», «помещиков и вотчин-

ников побивают», а за отсутствием последних столь же жестоко расправляются с их приказчиками, своим же братом холопом, но ставшим олицетворением ненавистного им поместно-вотчинного суда и администрации.

Организатором крестьянской революции в Нижегородском уезде был атаман Максим Осипов, под руководством которого был захвачен Макарьевский монастырь. На Ветлуге действовал атаман Илюшка Иванов. Известен своими набегами атаман Мишка Харитонов и др.

Во время борьбы за Симбирск, под которым Разина постигла первая неудача и вскоре после Разиновского поражения (осень 1670 г.) среднее Поволжье и Заволжье кишмя кишит повстанческими (крестьянско-инородческими) движениями.

Население усваивает *методы партизанской войны;* из своей среды выдвигает военных руководителей. И упорно ведет желанные кровавые счеты со своим социальным врагом.

Крестьяне верно оценивали организованность, военный опыт, вооружение казаков и все военно-революционное значение тесного крестьянско-казацкого союза. Узнав о наступлении дворянского войска и ожидая разгрома крестьянских отрядов, крестьяне не выпускали от себя атамана Илюшку Иванова: «бояре появляются и где чернь наедут и рубят».

44. Как и когда кончилась Разиновщина?

Уже в начале 1671 г. правительство царя Алексея торжествует победу. Карательная экспедиция кн. Долгорукого сделала свое жуткое дело в революционном Поволжье.

Весной того же 1671 г. Степан Разин был захвачен на Дону враждебной ему войсковой старшиной (казацким правительством); выдан московскому правительству и *6 июня публично казнен: четвертован.*

В руках повстанцев оставался лишь далекий юго-восток, астраханско-царицынская область. Оттуда, где в свое время скрывался Заруцкий, они [1]) пытались поднять восстание

[1]) И среди них был первым Василий Ус, известный нам по походу 1666 г.

еще раз. И в мае 1671 года — вскоре после ареста Разина — осаждали злополучный Симбирск. Неудачно. В конце ноября 1671 г. Астрахань была занята царским воеводой кн. Милославским. Революция потерпела поражение.

45. Каковы причины поражения Разиновщины и победы Москвы?

Иначе говоря, почему движение Разина вглубь Московского государства оборвалось где-то около Симбирска? Так же, как движение Пугачева завершилось Казанью. И, что особенно интересно, стоя на открытой дороге к Москве, Пугачев повернул обратно и на Москву, не пошел.

Почему? Об'яснение тому находим в том, что успех Разина, как и Пугачева, определялся 1) силой крепостнического центра и 2) слабостью правительственной колонизации степных казацко-инородческих пространств. Еще к 1556 г. Москва докатилась до Каспийского моря. Но более или менее *устойчивая граница* русской оседлости долгое время пролегала где-то *в лесо-степной полосе.* Долгое время власть Москвы и позже Петербурга в степных пространствах юга и юго-востока оставалась номинальной и ограничивалась тесными пределами острожных укреплений. Степь как была, так и оставалась вплоть до второй половины XVIII в. во власти казака и инородца. Опираясь на казацко-инородческую силу, легко дойдя с нею до прочных границ русского крепостнического государства Разин, как и Пугачев и не рискнул бы пойти дальше. Туда, где их встретили бы щетиной ставшие «за домы своя» землевладельцы-дворяне.

Разин доходит *до Симбирска.* Штаб ответной карательной экспедиции кн. Долгорукого не отваживается идти дальше *Арзамаса.* И то, прекрасно иллюстрирует вышеизложенное.

46. Что дала Разиновщина крепостному крестьянству?

Обычно этот вопрос разрешается в том смысле, что Разиновщина лишь обострила и ускорила процесс крестьянского закрепощения. Это верно. Но не вполне.

Изучение документов поместно-вотчинного хозяйства 70—80-х годов XVII в. изменит, конечно, наше привычное, но мало обоснованное представление. Насколько чутко прислушивалось московское правительство к настроениям крепостной деревни, можно видеть из *указа 7-го июня 1669 г.* Накануне Разиновщины царь Алексей «указал стольника князя Григория княж Венедиктова сына Оболенского послать в тюрьму за то, что у него июня в 6 числе в воскресенье недели всех святых на дворе его люди и крестьяне работали черную работу, да он же князь Григорий говорил скверные слова». Итак, за 130 лет до Павловского манифеста 5 апреля 1797 г. был декретирован его первый параграф: «дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам». Из частной хозяйственной переписки стольника Безобразова, дошедшей до нас от 80-х годов XVII в. [1]) известно, как внимательно следил за выполнением этого закона землевладелец и как строго карал своих приказчиков за его нарушение.

Будучи для дворянства предметным уроком, Разиновщина была тем же и для крестьянства.

В то время, когда в дворянстве крепла идея вотчинного права на землю и крестьян; когда дворянин превращался в сельского хозяина и предпринимателя с даровым вечно-крепостным трудом, *казак настойчиво поддерживал в мужике идею временности и условности его крепостной неволи.* Напомнив о том крепостной деревне лишний раз, Разиновщина сделала значительное дело. Из поколения в поколение переходила эта своеобразная школа практической политграмоты для крепостного мужика. Учителями в ней были Болотников, Разин, Булавин, Пугачев. Приемы их мысли и действий были проще, грубее, но понятней и ближе и убедительней, нежели ясность публицистических построений крестьянина-крепостника Посошкова (с его схемой «крестьянам помещики невековые владельцы»), сантиментальная слеза Радищева или теоретическое вольнолюбие Сперанского.

---

[1]) Из неопубликованного доклада А. А. Новосельского «Дворовые и крестьяне стольника Безобразова».

От Болотникова (1606 г.) до Антона Петрова из Бездны (1861 г.) живет это трепетное ожидание «воли», растет эта жадность, с которой впитываются все слухи о предстоящем «выходе».

В 80-х годах XVII в. в разгар последнего генерального боя, который дворянством был дан умирающей старо-боярской партии, достаточно было заговорить об «устроении и управлении ратного дела», как по крепостной деревне уже понесся слух о разрешении «выхода», при чем любопытно, что говорили тогда о разрешении его впредь до 1 сент. 1681 г.

Влекомые слухами, крепостные мужики сотнями и тысячами тянулись на окраины. Служилые люди жаловались (1681 г.), что крестьяне и холопы бегут от них в украинные городы» «собрався человек по 100 и больше, а дворы в тех селах жгут»; бегут они «явно в день и ночьми, собрався большими обозами», вооружившись луками, бердышами, ружьями. Попытки вернуть их вооруженной силой не удаются. *Крестьяне охотно принимают бой* и, «построяся обозом», удачно отражают атаки конных дворянских отрядов [1]).

Но в степи по окраинам их вновь настигали и государево тягло и крепостная неволя. Обманутые слухами и надеждами крестьяне или бежали дальше, или опять и опять возвращались к испытанным средствам гражданской войны.

---

[1]) Из неопубликованного доклада А. А. Новосельского „О сыске..."

VI. КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС ПОСЛЕ РАЗИНА.

47. Как ставился и разрешался крестьянский вопрос в XVIII—XIX в.в.?

К началу XVIII в. консолидированное дворянство овладевает крепостным трудом всецело. Двадцатилетняя Северная война (1700—1721 г.) за Балтийское побережье, подобно Ливонской кампании XVI века, сыграла в этом отношении определяющую роль: *холоп и крестьянин уподобились один другому.* Юридически перед лицом государства холоп стал равен крестьянину; житейски перед лицом душевладельца крестьянин стал равен холопу (В. О. Ключевский); оба они и холоп, и крестьянин слились в единую группу помещичьих «подданных» (1720 г.).

Но именно с этого же момента (1721 г.) перед дворянством выростает новый дотоле неведомый враг: «фабрикан» и заводчик, *промышленный капитал* («чумазый»).

Крестьянин попрежнему остается *об'ектом борьбы,* но борьбы *иных общественных классов.* Борьба идет по вопросу о том, кто только ли дворянство или же и торгово-промышленное сословие имеет право владеть крепостными душами?

Законодательство первой половины XVIII в. балансирует между противоположными решениями. Но *к концу 50-х годов* определяется *торжество дворянской программы.*

Дворянство остается монополистом крепостного права и после манифеста о вольности дворянской (1762 г.) развивает его, вопреки требованиям здравого смысла до чрезвычайных пределов.

Пугачевщина, французская революция 1789 г. и общий ход экономического развития страны пробивали одну за другой бреши в стене крепостнического законодательства.

Пока, наконец, Крымская кампания не подкосила обветшавшего здания крепостнического государства.

VII. ИТОГИ.

Крепостное право действовало *более 300 лет*. За эти годы оно пережило значительные изменения в об'еме и содержании. Крестьянский вопрос менял свои *боевые позиции с каждым новым поколением.*

В периоде подготовительном (с 70-х годов XV до 70-х годов XVI в.) первым по времени стал на очередь вопрос *о «Юрьеве дне»*, об ограничении и условиях крестьянских переходов.

С 70-х до 90-х годов XVI в. настойчиво ведется кампания в пользу *«заповедных лет»;* после того — *за отмену «урочных лет»* (1597 — 1649 г.г.).

В периоде расцвета (1649—1797 г.г.) сперва до XVIII в.— продолжается внутриземлевладельческая борьба за мужика, при чем практически речь шла *о форме и размерах штрафа* за нарушение заповедной грамоты 1658 г.

С начала XVIII в. (1721 г.) и до его половины борьба вступает в новую фазу: об'единенное душевладельческое дворянство видит себя *перед лицом* нового врага — *промышленного капитала.*

60-80 годы — эпоха стихийного территориального роста крепостного права, первых колебаний правительственного курса и настойчивой ликвидации пугачевщины.

В периоде распада крепостного права (1797—1861 г.г.) та же *борьба аграрного и промышленного капитала*, при чем под давлением последнего торжествуют эмансипационные элементы в законодательстве. Число крепостных уменьшается до 10.696.139 душ м. п. по ревизии 1858 г.

Исчез ли феодально-крепостной режим после 19 февраля 1861 г. сразу и бесследно?

Нет: он умер не сразу, а следы его сохранялись и после революции 1905 г.

В течение первых девяти лет крестьянин не мог оставить своего надела, уйти из своей деревни. Он был лишен права перехода: *1861—1870 г.г. были об'явлены как бы «заповедными»*. Многое в жизни пореформенной России напоминало о недавних днях феодального строя: *круговая порука* и *розги; выкуп феодальных повинностей* крестьянами, под видом выкупа земли продолжавшийся до 1 января 1907 г.; крестьянское законодательство 90-х годов прошлого века.

Однако, ничто не могло предотвратить разложения и гибели обреченного на смерть поместного дворянства.

Последний приговор ему был прочтен в феврале 1917 г.

Октябрьская революция привела его в исполнение: декретами 1918 года национализировала дворянскую землю и уничтожила сословное деление общества.

Декретом 1925 г. (о выселении бывших помещиков из их усадеб) *ликвидировала последние пережитки* дореволюционного деревенского строя.

Краткий обзор литературы.

Общий очерк истории крестьянской крепостной зависимости XVI—XVII в.в. и революционных движений эпохи с точки зрения марксистской — находим в труде **М. Н. Покровского** «Русская история с древнейших времен». (Изд. 7. Ленинград, 1924. Том. II).

I. Вопрос о происхождении крепостного права не может считаться решенным окончательно. Сводку ученых мнений и обзор наиболее значительных теорий дал **А. Е. Пресняков** в своей статье «Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения» (Архив истории труда в России 1921 г., кн. 1, стр. 34—47). Подобный же историографический обзор находим в статье **С. Ф. Платонова** «О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси» (там же, 1922 г., кн. III, стр. 18—24).

II. Обильный фактический материал по истории так называемого **«Смутного времени»** собран в трудах: 1) **С. Ф. Платонова** «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII в.в.» (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). Спб. 1899. Издание третье появилось в 1910 году. Краткое резюме «Очерков» под заголовком «Смутное время» было издано в 1923 г. (Стр. 168). 2) **Н. И. Костомарова** «Смутное время Московского государства» (Исторические монографии, том IV—VI).

В первом из названных трудов следует обратить внимание на два первых очерка, посвященных — один географо-экономическому описанию Московского государства XVI в., другой — анализу знаменитой «опричнины» — дворянской революции XVI в.

В 1921 г. в специальной монографии «Борис Годунов» **С. Ф. Платонов** заново пересмотрел весь материал по истории социальной политики конца XVI — начала XVII века. В 1924 г. в серии «Памятников социально-экономической истории России» под ред. С. Ф. Платонова был издан сборник первоисточников на тему «Социальный кризис Смутного времени». (Л. 1924, стр. 208). Сборник преследует цели научно-учебные и составлен с большой тщательностью из материала чрезвычайно выразительного.

III. По историографии **Разиновщины** следует отметить труд **Н. И. Костомарова** «Бунт Стеньки Разина» (Исторические монографии, том II). Впервые этот труд печатался в «Отечественных записках» за 1858 г. (том 121, кн. 11—12); отдельным (вторым и дополненным) изданием вышел в 1859 г., но своего значения не утратил и доныне в виду значительного числа первоисточников, привлеченных автором к изучению.

За революционные (1917—1925) годы вопрос о Разиновщине поднимался и в специальной и в популярной литературе неоднократно. Из многочисленной и порой малоценной литературы вопроса выделяется

особо труд **С. И. Тхоржевского** «Стенька Разин» (П. 1923. Стр. 134). Работа тщательно использовала богатый материал первоисточников. К книге приложен краткий указатель исторических материалов и литературы вопроса.

Тот же **С. И. Тхоржевский** дал общий обзор революционных событий XVII в. в другой своей работе «Народные волнения при первых Романовых». (П. 1924. Стр. 224). При этом историю Смуты автор изложил по схеме обычной для русской исторической литературы; часть, посвященная Разиновщине, представляет собою резюме вышеназванной работы автора.

IV. Революция XVII в. нашла любопытное отражение в легендарном, песенном и бытовом творчестве безымянных художников из народа. Интересующиеся вопросом найдут богатейший материал и указания для самостоятельной работы в книге «Русская устная словестность». Темы. Библиография. Сост. Н. Л. Бродский, Н. А. Гусев, Н. П. Сидоров (Ленинград, 1924. Стр. 200).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

I. Крепостное право 3

II. Крестьянское закрепощение 9

III. Смута 1601—1619 г.г. 29

IV. От Смуты до Разина 37

V. Разиновщина 45

VI. Крестьянский вопрос после Разина 53

VII. Итоги 55

Краткий обзор литературы 57

Цена [illegible] коп.

25

